

В. А. Якобсон

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА НОВО-АССИРИЙСКОГО ПЕРИОДА

Потребность в исследовании ново-ассирийского права назрела уже давно, так как в научном обиходе имеется весьма значительное количество юридических документов этого периода. Однако такого исследования до сих пор нет, если не считать безнадежно устаревших комментариев одного из первых издателей собрания ново-ассирийских текстов Джозса¹ и чрезвычайно кратких комментариев к сборнику текстов, изданному И. Колером и А. Унгнадом².

Задача исследователя этих документов весьма осложняется еще и тем, что для ново-ассирийского периода нам не известны никакие законы, хотя трудно допустить, что писаных законов в этот период не существовало вообще.

Поэтому остается пока попытаться составить представление о ново-ассирийском праве на основании имеющихся в нашем распоряжении документов, которые отражают конкретную юридическую практику того времени.

В этой статье будут рассмотрены проблемы собственности, право- и дееспособности, а также основные проблемы обязательственного права, причем выводы, разумеется, будут носить предварительный характер, предполагающий их дальнейшее уточнение и конкретизацию.

Итак, прежде всего следует разобраться в характере собственности в эту эпоху. Нужно подчеркнуть, что в этот период, по-видимому, исчезают всякие следы общинной собственности на землю, которая так хорошо видна в документах предшествующего средне-ассирийского периода. По-видимому, постепенно сходит на нет и собственность «большой семьи». Право личной собственности становится теперь безусловным и практически ничем не ограниченным. Это хорошо видно из документов, фиксирующих, например, отчуждение недвижимости. Продавец земли в них всегда именуется *bēl eqil tadani*, т. е. «хозяин (буквально: господин) передаваемой земли». Далее, такого рода документы никогда не содержат никаких оговорок относительно прав общины или рода. Правда, в ряде документов среди лиц, которые, возможно попытаются оспорить сделку, упоминается *hazaṇ ali*, т. е. сельский староста. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос вообще о лицах, предположительно могущих оспорить сделку, и о том, какое значение имеет эта оговорка.

¹ C. H. Johns, *Assyrian Deeds and Documents*, vol. I—III, Cambridge 1898—1901.

² J. Kohler, A. Ungnad, *Assyrische Rechtsurkunden*, Leipzig, 1913.

Такие лица делятся на две группы. Во-первых, это сам продавец и его потомки, а также братья продавца и их потомки. Весьма показательно, что никогда не упоминается отец продавца. Все это и наводит на мысль о распаде «большой семьи»: сделку может оспорить либо сам продавец, либо его наследники — сыновья или внуки, а также братья и их наследники соответственно. Весьма примечателен порядок, в котором перечислены эти лица: сначала сам продавец и его прямые наследники, а затем (т. е. если прямых наследников нет) — братья и их прямые наследники. «Большой семьи», вероятно, уже не существует, ибо в противном случае порядок наследования был бы иным. Кроме того, как считает большинство исследователей, существовал обычай выделять взрослых сыновей еще при жизни отца.

Во вторую группу лиц входят: наместник (или областеначальник), градоначальник (или сельский староста), „господин повинности“ (bēl ikl) и иногда другие чиновники. Бывают случаи, когда упоминается только одно из перечисленных выше должностных лиц. Наконец, бывает, что обе группы объединяются и упоминаются, так сказать, оптом: таптаппи-su, т. е. „всякий (имеющий к) нему (отношение)“².

Во всяком случае ясно, что эта вторая группа представляет интересы не общины, а государства. Ведь продажа собственности изменяет имущественный ценз продавца, а это должны принять к сведению власти, взимающие налоги. Кроме того, если продавец продал всю свою землю в данном поселении и тем самым перестал быть его жителем, то это сказывается на несении повинностей. Отсюда и упоминание о «господине повинности».

Все эти соображения и заставляют предположить исчезновение или, по крайней мере, значительное ослабление семейной и общинной собственности, но, разумеется, необходимо дальнейшее изучение этой проблемы, чем автор и предполагает заняться в будущем.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют сделать некоторые любопытные выводы о характере правоспособности и дееспособности в эту эпоху и, прежде всего, в отношении собственности.

Полным объемом правоспособности, как это признается сейчас всеми, обладал только глава семьи. Но кто мог быть главой семьи? Нормально им был, разумеется, мужчина — муж и отец. Ему (по крайней мере, теоретически) принадлежало право собственности на все семейное имущество, а также и на членов семьи.

Хотя случаи продажи членов семьи в рассматриваемую эпоху стали редкими, они, тем не менее, еще встречаются. Таковы, например, случаи продажи отцами своих детей³ и посвящения детей богу (т. е. отдачи их в храм)⁴. В первых двух документах речь идет о продаже сыновей. В одном случае возраст продаваемого сына неизвестен, но, судя по цене (2

² См. напр., ARU 71₁₀.

³ ARU 38, 42, 43.

⁴ ARU 45.

мины серебра)⁶, можно полагать, что сын взрослый. Во втором случае продается ребенок⁷. Цель приобретения этих сыновей покупателями неясна. Не исключено, что за этим скрывается усыновление, но такое предположение кажется маловероятным. Оба документа составлены так, как обычно составляются документы о продаже рабов. К тому же имеющийся у нас другой документ⁸, где несомненно речь идет об усыновлении, составлен совсем иначе: там прямо говорится, что ребенок передается для усыновления и оговариваются условия усыновления, гарантирующие интересы ребенка.

Таким образом, в ARU 38 и 42 речь идет, скорее всего, о продаже детей в рабство. Этот вывод подкрепляется также документом ARU 43. В нем речь идет не о продаже, а об отдаче дочери кредитору в погашение долга⁹. И этот документ составлен как акт о купле-продаже раба.

Что же касается посвящения детей в храм, то из документа ARU 44 видно, что некий Манну-дик щитоносец-офицер (?) (*bēl arit amērešu*) „ради благополучия (*apa balaṭ paršāte*) Ашшурбанапала, царя Ассирии, (богу) Нинурте, что в (городе) Кальху, в дар подарил“¹⁰ своего сына.

После смерти главы семьи его место занимал, надо полагать, старший сын с теми же правами, если отец при жизни (или в завещании) не выделял остальных своих детей. Такой вывод можно сделать на основании документа ARU 46. Ввиду важности приводим этот документ в переводе: (1) Ади-Мати-или, (2) Уркишту-дурн (женщину), (3) Шумма-Алада, (4) ослицу, 50 овец, (5) 5 имеров поля, одну четверть гумна, (6) одну четверть от 3-х выгонов (?) (7)—все это вместе—(8) то, что Тебетайя при жизни его (9) Адад-убаллиту, сыну своему, (10) подарил. То, что осталось, (11) на 8 частей с братьями своими он разделит¹¹. Далее следует проклятие нарушителям, дата и список свидетелей.

Перед нами, таким образом, документ, включающий в себя два акта: во-первых, отец при жизни выделяет своего сына, давая ему часть имущества; во-вторых, этот же документ содержит и завещание, предписывающее после смерти отца разделить остальное имущество между всеми его сыновьями поровну.

Поскольку для такого дележа понадобилось специальное завещание, мы имеем право предположить, что обычный порядок наследования был иным.

Выделение взрослых сыновей было, по-видимому, явлением нередким. Имеются документы, из которых видно, что отец и его сын (или сы-

⁶ См. ARU 38.

⁷ См. ARU 42.

⁸ ARU 41.

⁹ ARU 43, слл.

¹⁰ ARU 44, слл. Титул Манну-дика следует, скорее всего, переводить „щитоносец-офицер“, а не „щитоносец офицера“, ибо тогда естественно было бы написать *naš arit a ne bel arit*.

¹¹ Читаю: *i-ba-taq* (!). Колер и Унгнад читают: *i-ba-šum*, что не дает смысла (см. ARU стр. 41). *Ibataq*—букв. „разрежет“.

новья) совместно владеют имуществом, приобретенным, очевидно, уже после раздела¹². Совладельцами имущества бывают также братья¹³. Такое совместное владение имуществом не следует рассматривать как проявление семейной собственности. Документов, в которых владельцами имущества являются несколько лиц, имеется много. Лишь в указанных выше случаях эти лица определенно являются близкими родственниками. В ряде случаев удается определенно выяснить, что совладельцы такими родственниками не являются.

Можно допустить, что в ряде таких случаев продажа есть способ упростить дележ наследственного имущества.

Однако большая часть документов не содержит прямых указаний, что совладельцы являются родственниками¹⁴. Тем не менее, мы имеем право предположить, что если их родство в документе не упомянуто, то значит, они родственниками не являются¹⁵.

Итак, собственностью ассириец мог владеть единолично или совместно с другими лицами (одним или несколькими), как родственниками, так и чужими.

Главой семьи и собственником всего имущества и самих членов семьи мог быть не только отец или муж. Как уже отмечалось, после его смерти главой семьи становился старший брат.

Из документа ARU 40 видно, что брат продает свою сестру (в рабство?). Документ ARU 45 говорит о посвящении богу ребенка. Посвятелями являются 4 человека. Посвящаемый — сын сестры двух из этих людей. Она родила ребенка, будучи гетерой (*ḫarimtu*), а братья его вырастили. Остальные двое, по-видимому, оплатили им свою «долю» в его стоимости.

В связи со сказанным выше не очень понятен смысл документа ARU 37. Он представляет собой акт о продаже женщины ее отцом и двумя братьями в жены. Почему в этой продаже участвуют братья, если жив их отец, не ясно. Возможно, однако, что отец очень стар и сделку поэтому совершают его сыновья, хотя они уже выделены и живут самостоятельно (у них есть личные печати). Все сказанное выше не противоречит общепринятым представлениям о семье в древности. Однако за рамки этого представления выходит тот факт, что главой семьи со всеми вытекающими отсюда правами могла быть и женщина. Каким образом это получалось, сказать трудно. Вероятнее всего, овдовевшая женщина, не имеющая совершеннолетних сыновей, и становилась главой семьи.

К такому выводу можно прийти, изучая документ ARU 655, где зафиксировано решение по судебному делу. Некий Шамаш-нацир предъявил иск к женщине Арбаилу-хамат, жене Саиану, и ее сыну Набу-эрибе.

¹² ARU 56: отец и два его сына продают рабыню (см. стк. 7, 8); ARU 105: отец и сын продают большое имение; ARU 512: отец и сын продают рабыню.

¹³ ARU 67, 82, 112, 120, 377; 437, 464, 538, 570, 633.

¹⁴ ARU 76, 86, 135, 141, 142, 151, 163, 167, 170, 180, 181, 211, 247, 334, 358, 361, 390, 393, 396, 397, 418, 422, 425, 427 и т. д.

¹⁵ См. там же.

Истец заявил, что он дал им в долг 1 мину серебра и выкупил их из неволи. За это он претендует на их имущество. Ответчики просят не забирать имущество, обязуясь за это работать всей семьей из 5 человек (3 дочери) на истца: (13) ina kum pikassē appūte (14) nipallaḥ-ka, т. е. — «вместо этой суммы это мы будем работать на тебя» (обычный термин долговой кабалы).

Поскольку ответчица названа «женой Санану», а сам он в деле не участвует и не упомянут в составе семьи, то следует полагать, что ответчица не жена, а вдова Санану. Сын же участвует в деле, вероятно потому, что он скоро уже станет взрослым. Отсюда и желание истца заранее заручиться его согласием. Дочери же, хотя они тоже идут в кабалу, в суде не участвуют. По документу ARU 37 женщина покупает жену своему сыну (несовершеннолетнему?), а по документу ARU 39 другая женщина продает свою дочь, т. е. в обоих этих случаях женщина выступает как глава семьи.

Имеется еще документ из Телль Халафа (№ 69). Он представляет собой список работников, где в строке 7-ой сказано: 2 сына... далее начало женского имени (сохранился детерминатив). Таким образом, и здесь женщина — глава семьи.

Но такие случаи, как видно, встречаются нечасто. Зато документов, в которых женщина выступает собственником имущества, довольно много.

Здесь прежде всего следует назвать текст ARU 25 и 27. Хотя они очень сильно повреждены, можно понять, что речь идет о пожаловании земли с людьми и иммунитета¹⁶ некоей женщине, по-видимому, матери царя (см. ARU 27, строка 5), т. е. вдовствующей царице. Правда, члены царской семьи находились на особом положении и, в частности, как считают все исследователи, вдовствующая царица имела собственный двор со штатом придворных, а также земли и людей. Но есть целый ряд текстов, где действующими лицами являются менее высокопоставленные женщины¹⁷. Они покупают недвижимость и рабов, дают ссуды и принимают залоги. Кроме перечисленных в примечании документов, интересен также документ ARU 36. В нем речь идет о продаже дома, принадлежавшего совместно нескольким собственникам (см. выше). В их числе женщина по имени Алат-Су'ла, жена (вдова?) Бель-дури. Она участвует в продаже наравне с мужчинами и, подобно им, ставит на документе оттиск своего ногтя (вместо печати). Наконец, имеются и кос-

¹⁶ О смысле иммунитета см. РЗОА стр. 127 сл., а также В. А. Якобсон. «Социальная структура ново-ассирийского царства», ВДИ, 1964, № 4.

¹⁷ ARU 47: отец дарит своей дочери дом в Ниневин и 12 «душ» людей. ARU 123: ссуду в размере 20(!) мин серебра под очень значительный залог дает какая-то женщина, имя и титул которой неясны. ARU 158: рабов покупает Анну-ки-Алла, жена (вдова?) военачальника. ARU 159: семью рабов покупает некая Барсипиту. ARU 166: рабыню покупает некая Лате... (имя разрушено). ARU 369: сильно поврежденный текст, из которого, однако, видно, что какую-то недвижимость покупает женщина (глагол стоит в 3-м лице женского рода, см. строку 5). ARU 520: какая-то женщина (сохранился только детерминатив) покупает рабыню.

венные упоминания о женщинах-собственниках имущества. Так, в ARU 58 действующим лицом является Бахиану, именуемый *gab alāpimes za Laḥḥinite*, то есть управляющий именными (?) (женщины) Лаххиниту. Возможно, впрочем, что это не имя, а титул: „мельничиха“. В документе ARU 380 речь идет о продаже сада, расположенного по соседству с владениями некоей женщины (см. строку 3).

Таким образом, женщина, владеющая имуществом и выступающая в роли контрагента во всевозможных сделках,— явление не слишком редкое.

Как уже отмечалось, надо полагать, что в большинстве случаев эти женщины являются вдовами (или жрицами, либо, возможно, гетерами). Именно это обстоятельство, по-видимому, и делало их главами семейства со всеми или с большей частью прав. Характерно, что ни в одном из документов, где контрагентом является женщина, не упоминается в числе лиц, которые могли бы в будущем оспорить сделку, ни ее отец, ни ее муж.

В упоминающемся выше документе ARU 655 говорится, правда, что соглашение, возможно, пожелает оспорить брат женщины. Это, очевидно, связано с тем, что семья ее отца может быть заинтересована в этом имуществе, которое женщина получила в приданое.

Так обстояло дело с правоспособностью и дееспособностью свободных ассирийцев. Что же касается правоспособности и дееспособности не-свободных, то этот вопрос подробно рассмотрен в уже упоминавшейся другой нашей работе, к которой мы и отсылаем читателя.

Правовые акты ново-ассирийского периода

Вторая часть настоящего исследования посвящена рассмотрению конкретных правовых актов и попытке реконструировать содержание лежащих в их основе правовых норм. Поскольку подавляющее большинство имеющихся в нашем распоряжении документов представляют собой различного рода сделки, то, очевидно, необходимо прежде всего сказать несколько слов о форме сделки.

Акт, фиксирующий сделку, представляет собой текст, состоящий из следующих основных разделов:

В начале таблички обычно находится фраза: «Печать... (такого-то) хозяина (*bēlu*) передаваемого (название имущества)». Так бывает при сделках купли-продажи, аренды или займа под залог имущества. Если речь идет о простом займе, то пишется: «Печать такого-то (имя должника)». Затем следует оттиск печати, а иногда мы видим на табличке только свободное место, оставленное для оттиска¹⁸.

Иногда, как это издавна было принято в Месопотамии, печать заменяется оттиском ногтя, что соответственно и оговаривается в тексте сделки. «Вместо печати своей ноготь свой он приложил. Ноготь (такого-

¹⁸ См. напр. ARU 355 и 356. Оба документа аналогичны по содержанию (продажа земельного участка), но в первом из них имеются оттиски печатей продавцов, а во втором—только место для оттиска

то)...» и т. д. II в этом случае сам оттиск может отсутствовать¹⁹. Однако у нас нет никаких оснований считать, что наличие или отсутствие оттиска печати или ногтя как-то влияло на силу документа. Уже один тот факт, что и те, и другие документы находятся в одном архиве, доказывает это. Поэтому следует согласиться с Джонсом, который писал, что одной только словесной декларации о приложении печати было достаточно²⁰, тем более, что печать не всегда ставилась и на конверте (ср. ADD 81 и 82).

Следующая часть текста — изложение самой сделки. Следует заметить, что первая часть (т. е. вступление) всегда имеется лишь в сделках купли-продажи недвижимости и рабов. В менее важных сделках (заем и др.) она нередко отсутствует, а табличка начинается прямо с изложения сделки. По-видимому, для таких сделок формальности были несколько упрощены.

Во второй части документа указывается предмет сделки и ее условия: цена (если речь идет о купле-продаже), срок займа, его условия (проценты), залог, его характер и т. п. Более подробно об этом будет сказано ниже, при рассмотрении конкретных видов сделок.

Затем следует третья часть, специально посвященная тому, чтобы обеспечить прочность сделки. Эта часть имеется только в тех сделках, предметом которых является имущество, и о ней подробно будет сказано ниже.

Затем следует дата и список свидетелей сделки. Здесь возможен различный порядок: иногда сначала идет список свидетелей, а затем дата, иногда наоборот. Бывают и такие случаи, когда список свидетелей делится на две части, а дата стоит в промежутке между ними.

В некоторых документах о купле-продаже в самом конце встречается следующая клаузула: (такая-то сумма) *ša kuppikki-ši* или *ša sur-gi-su* (или *supu*), т. е. «такая-то сумма за печать (или за ноготь) его (их)». Клаузула эта не вполне понятна. Идет ли здесь речь о взимании платы с того, кто прикладывает печать (ноготь), или, наоборот, это — плата за приложение печати (ногтя)? Джонс полагает, что здесь речь идет о гонораре писцу за исполнение неких нотариальных функций²¹. Однако мы не располагаем никакими сведениями о том, чтобы существовали такие «писцы-нотариусы». Наоборот, в ряде случаев, писец в документе вообще не упоминается²². В тех же случаях, когда такое упоминание есть, он упоминается просто в составе свидетелей. При этом иногда указывается, что он «держит документ» (*šablt dappete*). Скорее всего, речь здесь идет о площадном писце, которого неграмотные контрагенты нанимают для составления документа. Он же заодно служит и свидетелем.

¹⁹ См. напр. ARU 259, 365 и др.

²⁰ См. ADD II, p. 24.

²¹ ADD II, p. 32.

²² См. напр. ARU 70, 97, 99, 112, 203, 214, 218 и др.

Весьма возможно, что и в средне-ассирийскую и в ново-ассирийскую эпоху слово «писец» в таких контекстах следует понимать не как название, а просто как обозначение того, кто писал данную табличку (отсюда и уточнение *šabit dappete*).

В пользу такого толкования говорит и то обстоятельство, что «писец», как кажется, никогда в этих документах не носит никакого официального титула.

Общезвестно, что клинописное право придает чрезвычайно важное значение письменной фиксации сделок²³. Отсюда и возникло весьма широко распространенное мнение о сугубом формализме клинописного права. Однако это мнение нельзя признать справедливым. Достаточно указать на тот факт, что римское право обставляло (на раннем и среднем этапе своего развития) заключение сделок гораздо более сложными и обременительными формальностями.

В клинописном праве наблюдается тенденция к унификации формы юридических документов. В ново-ассирийскую эпоху эта тенденция приводит к тому, что даже судебные решения оформляются как сделки между сторонами процесса по образцу обычных сделок. Это относится не только к «гражданским»²⁴, но и к «уголовным»²⁵ делам. Такое единообразие формы документов представляло, очевидно, значительное удобство.

После этих предварительных замечаний переходим к рассмотрению конкретных видов и форм правовых актов.

Сделки купли-продажи

Документы, фиксирующие такого рода сделки, занимают первое место по своему количеству, что, разумеется, вполне естественно. Их можно разделить на три основные группы: купля-продажа недвижимости, купля-продажа людей и, наконец, купля-продажа недвижимости с людьми. Ввиду ограниченного объема статьи специфика каждой из этих групп здесь подробно рассмотрена не будет.

Все документы о купле-продаже строятся по единому образцу с некоторыми несущественными разночтениями.

Вступительная формула документа стандартна и ничем не отличается от описанной в начале этого раздела.

Затем идет описание отчуждаемого имущества: перечень людей с указанием их имен и родственных связей²⁶ или перечень недвижимого имущества с указанием его особенностей и (не всегда) границ земельных участков и их местонахождения. На это обстоятельство следует обратить особое внимание. Как известно, в средне-ассирийский период существовала весьма сложная процедура отчуждения земли, подробно

²³ См. напр. E. A. Speiser, „Cuneiform law and the history of civilization“, *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. 107, № 6, 1963, p. 533.

²⁴ См. напр. ARU 649, 650 и др.

²⁵ ARU 657—660.

²⁶ О значении этого последнего обстоятельства см. нашу статью „Социальная структура Ассирии“, ВДИ, 1964, № 4.

описанная в средне-ассирийских законах²⁷. Она была связана с существованием в тот период общинной собственности на землю. Продавался не конкретный земельный участок, а лишь право на получение определенной доли в общинной земле²⁸. Поэтому в документах этого периода обычно не содержится указаний на конкретный участок, а иногда прямо указывается, что участок выделит община из земельного фонда по своему усмотрению.

В ново-ассирийских документах прямо указываются границы участка и его расположение, или только его расположение: в таком-то *alu*. Но и в тех случаях, когда только указано, в каком *alu* находится участок, не следует думать, что речь идет об общинной земле. В кадастровых списках (например в «Харранском реестре») ясно указано, что все участки каждого *alu* принадлежат конкретным собственникам, либо одному лицу принадлежит все *alu*. Причем при указании границ часто употребляется выражение: рядом с участком такого-то. Все это вновь подтверждает выдвинутый в 1-й части статьи тезис о том, что общинное землевладение в этот период уже отмерло, а право собственности ничем не ограничено.

Сама формула покупки в документах выражается следующим образом: (такое-то имущество) *urriš-ma* (такой-то) *ina libbi x male kaspi issi rān* (такого-то) *ilqe kaspu gammur tadīn* (имущество) *suatu sagir iaqī*, т. е.: „(такое-то имущество) поскольку приобрел (такой-то), (то) за (такую-то цену) у (такого-то) он взял: серебро (т. е. плата) готово (и) отдано: (имущество) это куплено (и) взято“. Иногда встречаются незначительные изменения формулы, не влияющие на ее смысл.

Судя по построению этой формулы, следует сделать вывод, что письменный документ фиксирует уже состоявшуюся и полностью выполненную обеими сторонами сделку: имущество передано, деньги уплачены.

Можно полагать, что произнесение этой формулы в присутствии свидетелей являлось обязательным при совершении сделки. Такой вывод можно сделать из встречающейся иногда формулировки заключительной части, предусматривающей гарантии против попыток расторгнуть сделку.

Обычно в этой части документа говорится: *tuaru dēnu dababu laššu manni sa ina urkiš ina matēma izaqqurani iparrīkuni lū* (имя продавца) *lū* (его родственники, иногда упоминаются должностные лица, которым подчинен продавец) *sa dēnu dababu issi* (продавец и его наследники) *ubta'uni...*, т. е.: „возвращению“, суду и спору не бывать: кто бы то ни был, кто в будущем когда-либо поднимется (и) воспрепятствует (покупателю), будь то продавец, будь то его родственники или начальники, кто суд и спор с покупателем или наследниками его затеет...“

²⁷ См. САЗ I § 6, ВДИ, № 4, 1952, стр. 207 сл.

²⁸ См. комментарий к ЗВАХ, там же, стр. 230 сл.

Иногда эта часть формулируется иначе²⁹ «...кто суд и спор... затеет, принесет жалобу (*igaggūni*) (и) скажет так: серебро не готово, не отдано; имущество не куплено, не взято... (или: имущество я не отдал)...»

Иначе говоря, попытка расторгнуть сделку заключалась бы в pronunciении этой же формулы «наоборот», в отрицательном смысле.

Далее, в документах указывается, что нарушитель сделки обязан будет уплатить огромный штраф (до 1 мины золота или 10—12 мин серебра) и возратить покупателю полученные деньги в 10—12-кратном размере. Иногда на нарушителя возлагается даже обязанность принести в жертву своих детей на алтаре бога или же на него призывается гнев богов и царя. Сверх всего этого иногда указывается, что суд не должен принимать и рассматривать его иск.

Сделка, таким образом, совершалась навечно и без права расторжения ее, ибо само собой разумеется, что платить огромный штраф, в десятки (а иногда и в сотни) раз превышающий стоимость спорного имущества никто бы не стал (да и не смог бы). Тем более никто не стал бы подвергаться другим предусмотренным карам. Впрочем, иногда в документах специально предусматривается, что расторжение сделки при определенном условии возможно. Условие это заключается в выплате определенной суммы³⁰... *tanē kaspi iddan... ušēsa*, т. е. (столько-то) мин серебра он отдаст (и) (такое-то имущество) освободит». К сожалению, большая часть из таких документов сильно повреждена. Поэтому трудно установить соотношение между этой суммой и ценой имущества. Так, например, в ARU 187, где речь идет о продаже земли с людьми, предусмотрена плата за расторжение сделки в несколько мин серебра и золота (!), т. е. в размере обычного громадного штрафа за нарушение договора. Поэтому предусмотренное в этом документе право расторжения сделки является чисто номинальным и на практике реализовано быть не может. С другой стороны, в ARU 189 продавец получает за рабыню 1,5 мины серебра, но может уплатить 2 мины и получить рабыню обратно. Здесь возможность расторжения сделки вполне реальна. Точно так же в ARU 188 предоставляется возможность выкупить проданную (или заложенную) за 1 талант бронзы женщину, уплатив 1 мину серебра, т. е. примерно ту же самую сумму.

Таким образом, сделки купли-продажи в принципе считались нерасторжимыми, но (с согласия сторон) возможность расторжения сделки могла быть специально оговорена.

В документах о продаже рабов включалась еще одна оговорка: *sibtu bennu ana 100 ūmē sartu ana kal sanate* (или *kal ūmē*). И здесь также встречаются некоторые затруднения при переводе: неясно, как надо понимать слово *sartu*.

Слово *sartu* (корень *srr*) означает «обман». О каком же обмане

²⁹ См. ARU 163, 389, 444, 527.

³⁰ См. ARU 186—194.

может идти речь? Скорее всего, о сообщении неправильных сведений относительно качеств раба. Например, раба выдают за искусного ремесленника, а впоследствии выясняется, что это не соответствует действительности, и т. п. Не случайно оговорка относительно *sartu* включается в документы всегда вместе с оговоркой о болезни. Очевидно, документы с этими оговорками составлялись при покупке раба или рабыни для домашней работы (а рабынь, возможно, в качестве наложниц). Для сельскохозяйственной работы эпилепсия не имела бы существенного значения, почему этой оговорки и не бывает при покупке земли с обрабатывающими ее людьми.

По всем этим соображениям мы предполагаем переводить данную формулу следующим образом: «(в случае) эпилепсии (срок предъявления претензий) — 100 дней, (в случае) обмана — все дни (годы)».

ДОЛГОВЫЕ ОПЕРАЦИИ

1. Денежный заем (без залога)

В нашем распоряжении имеется довольно значительное количество долговых документов. Как правило, они составлены по упрощенной форме и могут быть разделены на две группы: займы на срок и займы бессрочные (т. е., очевидно, до востребования).

Прежде всего следует заметить, что в этих документах речь идет, как правило, о значительных суммах³¹. Займов на сумму менее 4 сиклей серебра как будто не встречается.

Документ о займе на срок имеет следующую форму (образец — ARU 249): (1) 1,5 мины серебра в царских минах³², (2) (собственность) Бель-ламура, (3) за³³ Суккуайя. (4) В месяце Тебет серебро он отдаст. (5) Если он не отдаст, на четверть его (6) серебро (т. е. долг) увеличится. (7—13) Свидетели. (Дата). В месяце Арахсамна, день 20-й, эпонимат Бель-эмурани.

По этому образцу с незначительными формальными отклонениями построены все подобного рода долговые документы. Как видно из этого образца, заем предоставляется на весьма короткий срок: около двух месяцев. Лишь на случай просрочки предусмотрено, что долг возрастает на 25%.

Короткий срок займа характерен для всех таких документов, он не превышает одного-трех месяцев³⁴. Штраф за просрочку в размере 25%

³¹ От одной мины серебра и больше. Займы на меньшие суммы встречаются редко (ARU 253—5 сиклей серебра, ARU 257—20 сиклей серебра, ARU 264—30 сиклей серебра, ARU 265—15 сиклей серебра, ARU 266—8 сиклей серебра и др.). Но имеются и очень крупные займы: ARU 262—10 мин серебра, ARU 269—12,5 мин и 5 сиклей серебра.

³² Существовали разные мины: царская и кархемишская (т. е. города Кархемиша— ARU 262 и др.). Иногда вид мины не указывается (напр. ARU 250, 251 и др.).

³³ В тексте: *ina rap*, букв. „перед, перед лицом“.

³⁴ См. ARU 256, 257, 260, 262, 269, 271 и др. Только в ARU 263 срок 5 месяцев.

был, очевидно, обычным. Так, в ARU 269 размер штрафа вообще не указан, а сказано лишь, что «серебро увеличится» (см. строку 6). Но размер этого штрафа мог быть и иным (очевидно, по желанию сторон). В ARU 281 указывается, что долг «на 2 сикля в месяц возрастет». В ARU 260 предусмотрен рост на 0,5 сикля. Здесь неясно, как должен исчисляться этот прирост: ежемесячно или на каждый сикль основной суммы.

Тот факт, что ссужаются сравнительно крупные (а иногда очень крупные) суммы на весьма короткий срок, позволяет сделать вывод, что мы не имеем здесь дела с ростовщическими операциями. Подтверждается такой вывод и беспроцентностью ссуды в случае возврата ее в обусловленный срок. Пожалуй, еще более веским подтверждением является отсутствие залога несмотря на весьма, как уже отмечалось, крупные ссуды.

Можно поэтому считать наиболее вероятным вывод, что во всех (или в большинстве) этих случаев речь идет об отношениях между людьми состоятельными. Во многих случаях мы, вероятно, имеем здесь дело с коммерческими ссудами, известными еще в предшествующую эпоху. Рассмотрим теперь займы без указания срока. В качестве образца приводим документ ARU 248.

(1) 3 мины серебра в (минах) Кархемиша. (2) (собственность) Аплайя, (3) за Сукайя. (4) (На) 6 сиклей за месяц (5) оно увеличится. (Дата) месяц Аб, день 2-й, (6) эпонимат Бель-Эмуранни, (7) туртана. (8—12) — список свидетелей.

(Этот документ составлен на три с лишним месяца ранее приведенного выше. Должник, по-видимому, тот же самый).

В этом документе, как мы видим, срок возврата ссуды не указан. Проценты начинают начисляться немедленно и составляют 40% годовых (!). Размер процента подвержен сильным колебаниям (в пересчете на год). Так, в ARU 252 на сумму в 0,5 мины предусмотрен рост в 4 сикля в месяц, т. е. 160% годовых (!). С другой стороны, существуют и документы, занимающие «промежуточное» положение: ARU 250 срок уплаты долга не указан, а относительно процента сказано: «на четверть его оно (серебро) увеличится».

Столь значительные колебания процентной ставки и формулировок относительно сроков платежа позволяют сделать вывод, что и в этом случае речь идет о займах на весьма короткие сроки и притом между людьми состоятельными, могущими возратить ссуду быстро.

Таким образом, вновь подтверждается вывод о том, что денежные ссуды (по крайней мере в большинстве случаев) не носят ростовщического характера, хотя, конечно, небезвыгодны для займодавцев.

2. Заем натурой

Предметом такого займа были главным образом зерно, масло, вино, скот. Наблюдаемая здесь картина имеет большое сходство с тем, что говорилось выше о денежных займах. Прежде всего, займы сравнительно

велики: вино и масло по несколько имеров (т. е. гектолитров), зерно также по несколько имеров (до 100 имеров—ARU 318), скот—десятками голов (иногда даже сотнями—ARU 226). Мелкие займы и здесь весьма редки³⁵. Сроки, на которые выдаются займы, как правило, не превышают нескольких месяцев. Займы зачастую беспроцентны. Иногда, как и в денежных займах, процент начинает исчисляться лишь в случае просрочки. Иногда же заем бессрочный с процентами (до 50%). Зерно иногда дается в долг до урожая, что выражается формулой: *ina adri iddan*—„На гумне он должен отдать“ (ARU 324 и др.)³⁶.

Натуральные займы, судя по датам, выдаются, как правило, весной или летом, т. е. тогда, когда нужда в продуктах сельского хозяйства особенно велика. Возвращаются же, как указывалось выше, осенью. В этот период цены на продукты сельского хозяйства, естественно, падают. Поэтому проценты нельзя считать очень уж большими.

Судя по размерам займов, можно прийти к выводу, что должники сами имеют крупное хозяйство, а возможно, ведут какие-то коммерческие операции.

Размеры этой статьи не позволили нам рассмотреть большое число других интересных документов, как например документов, касающихся займа с обеспечением залогом типа ипотеки, самозаклада и стоящих за ними явлений ново-ассирийского права, к которым надеемся обратиться в другой работе. Поэтому общие выводы о характере этого права следует пока считать преждевременными. Частные же выводы делались по ходу рассмотрения тех или иных конкретных вопросов. Тем не менее кое-что можно сказать уже сейчас.

Ново-ассирийское право наряду с ново-вавилонским представляет собой завершающий этап развития клинописного права, история которого длилась две с лишним тысячи лет. Столь долгой жизнью может похвалиться разве лишь римское право. Конечно, клинописное право не достигло столь полной и всеобъемлющей разработки, как римское, но, бесспорно, и оно развивалось весьма интенсивно, создав в конце концов единую простую и удобную форму для письменной фиксации важнейших сделок, а именно сделок по поводу недвижимого имущества и людей, а также различного рода долговых операций. Это—важное достижение клинописного права по сравнению с тяжеловесной формальностью и многообразием форм в римском праве времен республики и принципата. Особенно следует отметить ассирийскую форму долгового обязательства, которое составлялось в самых общих выражениях и не содержало, как правило, никаких указаний на основание долга, т. е. возник ли он в результате займа, продажи в кредит и т. п., как всегда делалось раньше. Основанию, следовательно, теперь не придается юридического значения.

³⁵ В связи с этим см. нашу статью „Социальная структура ново-ассирийского царства“, ВДИ, 1964, № 1.

³⁶ В ARU переведено: *Auf dem Markt* (?); т. е. „на рынке“, В JTH (101,); *Auf dem Lagerplatz*, т. е. „на складе“. Следует переводить „на гумне“, т. е. немедленно после обмолота.

Так казуистичность, свойственная раннему и среднему периоду развития клинописного права, была преодолена. Этот отказ от казуистичности, стремление к упрощению и унификации форм сделок хорошо видны и в сделках купли-продажи. Характерно, что в них никогда не включаются никакие оговорки относительно защиты от эвикции, которые часто встречаются в документах предшествующего тысячелетия.

При всем этом, однако, ново-ассирийское право сохранило и кое-какие архаические черты, особенно в санкциях за нарушение сделок (см. выше).

История клинописного права заканчивается вместе с историей Ассирии и Вавилона. Но можно с уверенностью сказать, что многие его институты продолжали жить и в более поздние эпохи, а через посредство эллинистического права, возможно, дошли и до Рима. Проследить этот путь — интересная и важная задача истории права. Решение этой задачи позволит нанести еще один удар по антиисторическим спекуляциям о «преимуществах западной цивилизации».

Վ. Ա. Յակոբսոն

ՆՈՐ-ԱՍՈՐԵՍՏԱՆՅԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԱՇՐՋԱՆԻ ՄԱՍՆԱՎՈՐ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ԳՐՈՒԼԵՄՆԵՐԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հին Արևելքի պատմության տվյալ ժամանակաշրջանից (մ. թ. ա. VIII—VII դդ.) մեզ չեն հասել իրավական կողբսոսներ: Հասել են, սակայն, մասնավոր-իրավական բաղձաթիվ վավերագրեր, որոնք մեծ մասամբ դործարքների բնույթ են կրում: Հեղինակը, հենվելով այդ վավերագրերի նյութի վրա, փորձում է վերականգնել նրանց հիմքում ընկած իրավական դրույթները: Հիմնական ուշադրությունը նվիրված է սեփականության ձևերի զարգացման խնդիրներին: Հեղինակը հանգում է կրակացության, որ այդ ժամանակ համայնական սեփականությունը կազմալուծվում է, զիջելով իր դիրքերը մասնավոր սեփականությանը: Այս տեսանկյունով մանրամասնորեն բնութագրվում է կնոջ իրավական վիճակը ընտանիքում և հասարակության մեջ: Ուսումնասիրվում են պարտային հարաբերությունները, որոնք Հին Արևելքի կյանքում հրակայական դեր են խաղացել, վերլուծվում պարտքերի տարբեր՝ դրամական, նատուրալ, դրավով, անգրավ և այլ ձևերը:

Ասորա-բաբելական իրավունքը մեծ ալիքեցություն է գործել Առաջավոր Ասիայի այլ երկրների (նույն թվում Ուրարտուի) վրա, որոնց միջոցով նրա ժառանգությունը անցել է հելլենիստական երկրներին (ի թիվս որոնց նաև Հայաստանին), այստեղից էլ՝ հռոմեական իրավունքին: